ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: http://zavtra.ru/

К Р И Т И К А

Новая антология французской поэзии

Сборник переводов из французской поэзии Юрия Ключникова "Откуда ты приходишь, красота?" – явление по-своему уникальное. Пожалуй, это самый большой и представительный сборник французских стихов, выполненный одним переводчиком.

Хронологически книга охватывает всю историю французской поэзии – с XII по XX век – целых девять веков, которые представлены более чем пятьюдесятью поэтами и более двумястами стихотворений! При этом даже такие исключительно трудные для перевода поэты, как Стефан Малларме и Поль Валери (мастера тёмной герметической поэзии) не обойдены вниманием переводчика.

И вот что я ещё заметил: в переводах Ю.Ключникова эти мастера сложной, зашифрованной поэзии звучат по-русски гораздо прозрачнее, чем в оригинале. То есть переводчик невольно производит расшифровку малопонятных даже для читателя-француза текстов, давая свою интерпретацию их смысла. Правда, оба стихотворения Поля Валери принадлежат к числу его ранних произведений, вошедших в первый сборник этого автора "Альбом старых стихов".

Но относительно стихотворений Малларме такое не скажешь: он представлен главным образом поздними стихами.

Несколько слов об особенностях французской поэзии. Прежде всего, в отличие от силлабо-тонической (немецкой, английской или русской) она лишь силлабическая. Иначе говоря,

Станислав ДЖИМБИНОВ

француз считает количество слогов в стихе, не обращая внимания на соразмерность слогов ударных и безударных. Это связано с особенностью французского языка, где ударение фиксировано строго на последнем слоге. Так французы говорят "Пушк*и*н", "Гог*о*ль", "Достоевск*и*". Странно, причудливо, но тут уж, как говорится, ничего не поделаешь.

Отсюда проистекает и ещё одна особенность французских стихов: нельзя судить по одной строке даже самого большого поэта данной страны, стихи у него или проза. Вот когда произнесут вторую строчку и в ней будет точно такое же количество слогов, тогда можно понять, что дело имеешь с поэзией. Какая разница с русскими или немецкими стихами…

В 20-е и 30-е годы XX века чуть ли не все французские поэты были сюрреалистами (исключения можно пересчитать по пальцам: П.Клодель, П.Валери, Сен-Жон Перс). А после Второй мировой войн почти все стихотворцы также дружно перешли на верлибр, отказавшись от рифмы и соблюдения числа слогов. Кстати, давно было замечено, что число рифм во французском языке ограничено, и переход на верлибр в какой-то мере был неизбежным.

Но обратимся к переводам Юрия Ключникова. В русской поэтической традиции сложились уже в первой половине XX века две совершенно различных школы перевода. Первую мы назовём условно "буквалистской", она стремится по возможности передать все оттенки смысла оригинала, приближаясь иногда по точности к подстрочнику. Главные представители этой школы Валерий Брюсов, Георгий Шенгели и прежде всего, конечно, Михаил Лозинский, перевод которого "Божественной Комедии" Данте, написанной терцинами, отличается феноменальной точностью.

Другая школа восходит в своих истоках к крупнейшему русскому переводчику XIX века – Василию Андреевичу Жуковскому, и её можно назвать школой вольного перевода. Основной принцип этой школы ясно выразил Вильгельм Левик: "Главное, чтобы при переводе возникли хорошие русские стихи". То есть точность передачи всех оттенков смысла явно отходит на второй план. Эта школа представлена именами Бориса Пастернака, Самуила Маршака, уже упоминаемого Вильгельма Левика и многих, многих других.

К какой же из этих двух школ принадлежит Юрий Ключников? Разумеется, ко второй. Положив рядом французские оригиналы переведённых им стихов, мы во многих случаях напрасно будем искать точного соответствия смысловых оттенков. Но ведь такого соответствия не было и у великого Жуковского, который позволял себе сокращать даже классические стихи Шиллера. Здесь стоит другая задача: дать общий целостный абрис источника, передать дух стихотворения, пропущенный через душу и мировосприятие переводчика.

Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке "тёмных" мест поэт взял на себя, о чём он говорит сам. Хотя, конечно, некоторые утверждения переводчика кажутся мне спорными.

Например, "Осеннюю песнь" П.Верлена будто бы никто из русских символистов не смог перевести адекватно. Сравнительно недавно в серии "Мастера поэтического перевода" (Москва, издательство "Прогресс") впервые вышел сборник переводов Фёдора Соллогуба, где многие стихотворения Верлена даны в нескольких вариантах, ранних и поздних. И мы увидели чудо: то, что не сумели сделать Брюсов и Бальмонт, смог свершить чародей слова Фёдор Соллогуб.

Особо отмечу вступительные зарисовки данной антологии о каждом французском поэте, которые тоже написаны переводчиком. Они, как правило, содержат не сухие биографические сведения об авторах, но свежие, неординарные замечания о месте того или иного поэта на "облучке французской поэтической кареты". Завершает книгу этюд "Пушкин и поэтическая Франция", написанный столь же свободно, как и другие очерки. В этом заключительном эссе высказана мысль, что "наше всё" – Пушкин сумел сконцентрировать в себе многовековой духовный опыт поэтической Франции. И пошёл ещё дальше…

В заключение несколько слов о самом Юрии Ключникове. Он уже далеко не молодой человек – родился в декабре 1930 года в Восточной Украине, которая в эти дни пылает в огне междоусобной войны, но уже 12-летним мальчиком был перевезен в Сибирь и остался там навсегда. Закончил филологический факультет старейшего в Сибири Томского университета. По-видимому, в университете пришлось изучать другие языки, так как французский язык Юрий Ключников избрал уже после университета и изучил самостоятельно. Сейчас он живёт и работает в Новосибирске.

Подборка переводов из французских поэтов появилась совсем недавно в качестве второй части сборника собственных стихов Ю.Ключникова "Дом и дым". В настоящем издании эта подборка расширена в три раза и даёт по-своему целостную картину развития французской поэзии на всём протяжении её исторического пути. Ни одно из больших имён при этом не забыто: Вийон, Ронсар, Дю Белле, Вольтер, Шатобриан, Шенье, Ламартин, Гюго, Бодлер, Верлен, Эредиа, Рембо, Аполлинер, Кокто, Превер, Элюар и десятки других поэтов.

Помнится, в своё время мой товарищ по Литературному институту Геннадий Айги составил и перевёл на чувашский язык антологию французской поэзии. Это вскоре было замечено во Франции и на переводчика посыпались награды и приглашения посетить столь близкую его сердцу страну. Хотелось бы, чтобы большой труд Юрия Ключникова был также замечен не только в России, но и во Франции.

Повторюсь: такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции.

Пушкин и поэтическая Франция

Из сборника переводов французской поэзии "Откуда ты приходишь, красота?"

Французская культура и литература имела совершенно особое влияние на культуру русскую. Убеждён, что священные камни Европы, о которых говорил Достоевский, подчёркивавший их близость любому русскому сердцу, – это, прежде всего, французские камни. Конечно, русские литераторы и образованные люди увлекались в своё время и английской, и немецкой культурой, но французские магниты для России были, конечно, самыми сильными. Удивительно, но война с Наполеоном не отвратила русскую художественную интеллигенцию от французской культуры. Интерес этот сохранялся и в советское время и был подкреплён общей борьбой против фашистского врага: французское движение Сопротивления сблизило два народа ещё сильнее.

Тесная связь литератур Франции и России, так же как общность нашей ментальности, прослеживается даже в области политики. На протяжении веков поэты Франции, такие как Бертран де Борн, Андре Шенье, Виктор Гюго, Поль Верлен, Артюр Рембо и далее вплоть до Сен-Жон Перса, Луи Арагона и Поля Элюара были активно задействованы в политической деятельности Франции с разной окраской и степенью активности. У нас, естественно, с нашими особенностями – это Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Блок, Есенин, Маяковский, Мандельштам, Пастернак. Называю лишь самые крупные имена…

Продолжая сопоставления, замечу и такое: из европейских монархов никто, кроме Людовика XIV и Сталина, не сумел поставить литературу на службу государственным интересам, в той степени, как это сделали они. Мы и французы, может быть, первые по количеству первых лиц государств, прямым образом причастных к литературе. У французов это, кроме упомянутого Людовика XIV, герцог Карл (Шарль) Орлеанский (образец творчества которого представлен в моём сборнике), некоторые президенты вплоть до Жака Ширака, переводившего "Евгения Онегина". У нас – Иван Грозный, Екатерина Вторая, великий князь Константин Романов, печатавший свои произведения под псевдоним "К.Р.", и тот же Сталин, стихи которого ещё до революции вошли в антологию грузинской поэзии. Можно вспомнить ещё и генсека Андропова, писавшего вполне грамотные с точки зрения версификации стихи.

Если говорить о влияние французской литературы, особенно поэзии, на русскую, то оно огромно. Следует также отметить в этом процессе две волны: первая – периода Золотого века нашей поэзии, вторая – Серебряного, если принять такие подразделения отечественного литературоведения. Причём, на мой взгляд, в "золотой", т.е. пушкинский период французское влияние было в основном благотворным, тогда как литераторы Серебряного века копировали в творчестве и в поведении порой далеко не лучшие черты французских символистов, импрессионистов и т.д. И удивительный парадокс: французские поэты пушкинской поры были опять же, на мой взгляд, куда мельче, чем Бодлер, Верлен или Рембо, а результаты влияния находились в обратной зависимости. Серебряный век (пора убрать с него ненужный флёр) был куда менее критичен по отношению к французам, чем пушкинский. Леконт де Лиль, Бодлер, Рембо, Верлен и франкоязычный бельгиец Верхарн были безоговорочными законодателями мод даже для Николая Гумилёва. Баловство же наркотиками, беспорядочные любовные связи, демонстративный аморализм и аполитизм принимались им и другими поэтами Серебряного века как норма жизни.

Продолжая параллели между нашими и французскими декадентами, добавлю, что Октябрьская революция вырвала из узких литературных рамок таких поэтов Серебряного века, как Есенин, Маяковский, Ахматова, Пастернак, сделала их великими, народными, не вписанными в строку тех или иных школ. Почему это произошло? Может быть, потому что, говоря словами Пушкина, "тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат". Буду рад услышать иные доводы, объясняющие факт такого преображения.

Несколько слов о том, к каким выводам я пришёл, переводя мастеров иной страны, да ещё отделённых от нас многовековым барьером.

Во-первых, я убедился в несостоятельности мифа о том, что французская литература и поэзия – это скорее изящная игра ума ("острый галльский смысл") и слов, нежели глубокая работа души. Думаю, что переводы, которые приведены в этом сборнике, показывают, что наиболее интересными и выдающимися авторами были как раз поэты "глубокой лирики", а не апологеты "чистого искусства", не "парнасцы".

Во-вторых, я понял, насколько неправы те, кто представляют культуру Франции как преимущественно атеистическую, вольнодумную и теплохладную в религиозном смысле. При переводах меня меньше всего интересовала courtoisie литературная, то есть изящество формальное. Окунувшись в стихию французской поэзии, ярко проявившейся ещё в XII веке, я убедился, как напряжённо билось духовное сердце Франции во все века. Ни одна поэзия других европейских стран (разумеется, кроме России!) не выразила дух страны в такой степени и в такой блестящей отточенной форме. Самые крупные французские поэты – глубоко верующие люди с интенсивной духовной жизнь, непрерывно растущие в духе и способные к искреннему раскаянию. Именно эту поэтическую линию Франции я пытался представить.

В-третьих, я еще раз убедился в неизбывности глубинного французского патриотизма, проявившейся в "глубинной лирике" со всей мощью. Он далёк от космополитизма эпохи Просвещения, связанной с такими фигурами, как Вольтер, Дидро, Руссо. Именно этот патриотизм звучит и в поэзии Пьера Ронсара – одного из создателей французского языка, и в предсмертных строчках Андре Шенье "Возлюбленная Франция, поверь: мне без твоей свободы жизнь – отрава", и в словах Гийома Аполлинера: "Все мы сегодня в великом долгу перед судьбой нашей Франции милой". Много ли сегодня среди российских деятелей культуры тех, кто мыслит так, а не выставляет возрастающий счёт государству за обиды или недополученность чего-то?!

И, наконец, *в-четвёртых*, работа над переводами заставила меня ещё раз задуматься о судьбах европейской цивилизации и нашей нынешней культуры, переживающих острейший духовный кризис. Нам небезразлична сохранность христианских корней и священных камней Европы не столько в плане внешней формы и архитектуры (их французы хранят как раз лучше нас!), сколько ценностей сакральных.

По моему убеждению, мостом между русской и французской поэзией, шире – между Россией и Европой, является именно Пушкин. Смотреть на мир западной культуры, давать оценку тем или иным идеям и произведениям мы можем – и в этом великое национальное счастье – через магический кристалл гениального пушкинского сознания и творчества. Лично для меня Пушкин с его любовью к Франции был одним из мощных импульсов, побудивших взяться за переводы французской поэзии. Дополнительным же импульсом для написания этой статьи послужила новогодняя (2013/14 г.) поездка в Михайловское в гости к Пушкину, где для поэта самим Провидением и царским указом были созданы идеальные условия для творчества. Император, изолировав поэта от шумных балов, приобщил его к музыке ветра, к морошке, к ярмаркам, к великому таинству народной жизни и русского духа. И свободная, переимчивая, "всемирно отзывчивая" душа поэта, на которую оказала огромное влияние цивилизация иноземная, погрузившись в эти тайны, сама принялась чеканить драгоценные камни национальной культуры. Но, как уже было сказано, танцуя от французской печки. Царская ссылка была для Пушкина Божьим благословением. Она удержала поэта от появления на Сенатской площади во время восстания 1825 года, иначе не миновать бы ему другой ссылки – "во глубину сибирских руд". В деревне поэт пережил потрясение и озарение, которое описал в стихотворении "Пророк". Наконец, двухлетнее пребывание в деревне окончательно сформировало Пушкина как уникальное национальное явление, и определило его отношение к западной культуре, как уважительное, коленопреклонённое, но лишённое малейшего подражательства.

Юрий КЛЮЧНИКОВ

О Франции в жизни и творчестве Пушкина сказано много, но что французы думают о нашем поэте, известно мало. Русофилов среди французских литераторов в 19 веке было мало – Дюма, Мериме, Эредиа, Готье. Последний совершил несколько длительных поездок в Россию и оставил о нашей стране книгу самых тёплых воспоминаний "Путешествие в Россию". Шаг весьма нетипичный для многих иностранных путешественников, побывавших в России и написавших немало крайне негативных сочинений, которые сформировали на Западе образ России как дикой и тиранической страны. Европа, нередко в лице даже лучших своих представителях смотревшая на "варварскую Россию" свысока, сохранила высокомерие до сих пор. А уж если говорить о недоброжелателях и врагах... Пушкин в творчестве был тоже достаточно суров к проявлениям нашего "варварства". Дитя Европы, пользовавшийся всеми её дарами, которые "по балтическим волнам за лес и сало возят нам", видевший Запад через французские очки, он был исполнен русского достоинства, непримирим к западным "витиям". Нет необходимости в цитатах на данный счёт. Достаточно вспомнить "Бородинскую годовщину" и "Клеветникам России".

Но при всём своём преклонении перед французской культурой увидел в русской истории нечто большее – своеобразный замысел Творца. В известном письме П.Я. Чаадаеву поэт прямо говорит об "особом предназначении" России, суть которого сводится к тому, что наша страна, "поглотив" своими "необъятными просторами монгольское нашествие", дала возможность Западу сравнительно беспрепятственно осуществить развитие собственной цивилизации. "Нашим мученичеством, – утверждает Пушкин, – энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех".

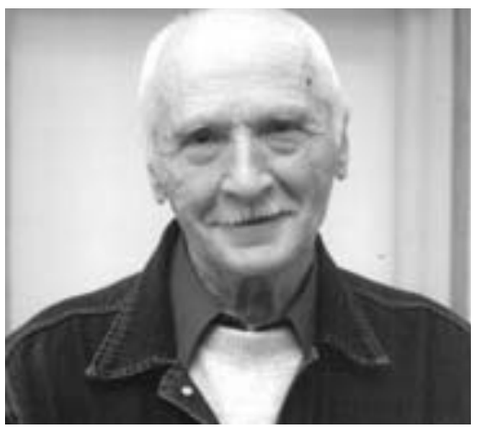
Споря с Чаадаевым, поэт видит во всей нашей истории не бесплодные попытки подражания Европе, но некую сдержанную нераскрытую многозначительность, сулящую большое и самобытное грядущее. "Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из событий, которые её потрясали, но у нас было своё особое предназначение". Адресат Пушкина видел в мировой истории не смену культурных, цезарианских, тем более экономических циклов, но смену религиозных эпох и упрекал Россию за инертность духовного развития в отличие от "энергичного католичества". Чаадаев тоже видел особое будущее России, полагал, что ей предназначено синтезировать духовный опыт Запада и Востока, причём такой синтез должен состояться во Христе. Позднее идеи смены культурных циклов и будущее торжество "русского цикла" были развиты в историософии Данилевского ("Россия и Европа") и Шпенглера ("Закат Европы"), о чём – ниже.

Пушкин в русском языке, подобно Петру I в политике, принял и понёс эстафетную палочку смены культур от европейской к "русско-сибирской", которую предсказывали Данилевский и Шпенглер. И сделал свою часть работы ещё лучше царя, взяв у Франции лишь самое лучшее – языковое изящество, перенёс его в наш обиход без грубого копирования, за которое упрекал русскую элиту Чаадаев.

Соединяю тему Пушкина со сборником переводов не только потому, что музу нашего гения орошали воды поэтической Франции, но и потому, что с помощью языка этой страны поэт реформировал наш.

Первый ценитель Пушкина во Франции Проспер Мериме пишет: "Фраза у Пушкина совершенно французская – я имею в виду французский язык XVIII века, потому что теперь так просто уже не пишут". Мериме абсолютно прав: наш поэт придал родному языку французскую простоту и тонкость, достигнутые Францией к 19 веку за три столетия, от Ронсара с Дю Белле (реформаторы старофранцузского) до Шенье. Завершением нашей языковой реформы мы тоже обязаны пушкинской ссылке в Михайловское.

Александр Сергеевич более чем сдержанно отнесся к Франсуа Вийону, как мне кажется, поэту уровня Данте, Петрарки, Гюго, в котором отметил только грубость. Почему так случилось? Думаю, потому что молодой Пушкин, как и вся наша литература в том виде, как мы её знаем сегодня, стартовала под сильнейшим



"пассионарным толчком" своей старшей сестры, её мэтров и авторитетов. А такой законодатель литературных вкусов XVIII-XIX веков, как, например, Буало, находил Вийона вульгарным. Поэтому Пушкин в начале своей деятельности оценивал гениального "школяра" глазами Буало. Тем более, что при всём своем великолепном знании французского языка, по существу для него второго родного, старофранцузского, на котором писал Вийон, не знал. Позднее наш гений, набрав силу, был куда более трезв в своих оценках европейских классиков и западной культуры в целом. Да и Франция интересовала его в гораздо меньше степени, чем в молодые годы. От "Гаврилиады", написанной под влиянием" "Войны богов" Э.Парни", наш поэт ушёл к "Отцам пустынникам и девам непорочным", а своим вольтерьянским молодым увлечениям дал такую оценку: "И с отвращением читаю жизнь свою…".

В мировоззрении, в короткой жизни, наконец, в творчестве русского поэта сконцентрирована как бы вся история духовных исканий Франции с её вершинами и зигзагами, взлётами и падениями. Наш поэт прошёл ещё и путь Бертрана де Борна с его бесстрашием и апологией семейных добродетелей, и путь Ламартина, увидевшего в смерти "бессмертия залог". В итоге поэт выбрался на путь, по которому не ступал ещё ни один поэт в мире, на путь абсолютного послушания "Божьему велению". Недаром, слово "поэт" переводится с древнегреческого, как "творец" – образ и подобие Творца.

Я мог бы продолжить список параллелей между Пушкиным и всей французской поэзией, включая те имена, которые возникли в ней уже после ухода нашего поэта. Пушкин и был одним из сотворцов нашей истории, включая её советский период. Вспомним только, какую организующую культурную роль сыграл поэт в годы Великой отечественной войны, когда сотни тысяч людей уходили на фронт вместе с томиком Пушкина в рюкзаке.

Пушкин много переводил. Не только французов. Среди переведённых авторов англичане: Байрон, Вордсворт, Кольридж, поэты Древней Греции и Рима: Анакреонт, Гораций Овидий, Катулл, немцы арабы… С этими авторами Пушкин знакомился, в основном, через французские переводы. Даже своего кумира Байрона наш поэт читал во французских переводах. Но когда переводил сам на русский, дотошно изучал оригинал. Принципы пушкинского перевода не втиснешь в кодекс корпорации переводчиков, а эта корпорация начала создаваться уже в "золотом веке" русской поэзии. С одной стороны, Александр Сергеевич требовал максимальной точности в передаче мысли и слога оригинала, с другой – в его практике встречается вольный перевод, перевод-переделка и даже переделки сочинений с включением собственных стихов. Как, например, в переводе поэтической драмы Джона Вильсона "Город чумы" (у Пушкина – "Пир во время чумы"), куда поэт вставил собственные стихотворные шедевры.

В одном из своих писем А.С. определил задачу перевода – "перевыразить" мысли и образную систему оригинала художественными средствами другого языка. То есть дать не буквальный, а духовный слепок чужого поэтического текста. Это наставление Пушкина я посчитал руководством к действию в собственной переводческой работе. Мысль, которой придерживались, как мне кажется, все поэты-переводчики в отличие от переводчиков-профессионалов.

Из древних поэтических источников России до нас дошло лишь великолепное "Слово о полку Игореве", написанное ритмической прозой, тогда как французы во времена написания "Слова" уже блистали развитыми размерами, строфикой, рифмами. Но, повторяю, меня интересовали не изыски формы – дух Пушкина зрелого, окончательно сформировавшийся в 1824-26 гг., когда поэт жил в Михайловском и когда он в одиночестве совершил духовный рывок, который вся поэтическая Франция сделала в течение ряда столетий.

Любой скачок не всегда сопровождается с оглядкой на традицию, но всегда заканчивается возвращением к ней. Так в истории, так в политике, так в литературе. Великая французская революция закончилась для Франции возвращением к монархии, сначала – Наполеона, потом – мельчающей популяции королей; на некоторое время – феноменом де Голля, продолжать не стоит…

Наша великая Революция продолжила традицию русских царей, но в отличие от французской лишь укрепила вектор монархии. Во всяком случае, жестокий диктатор Сталин был самым масштабным, успешным и властным царём Российской империи.

Поэзия, конечно, консервативней истории и политики. Там все рывки возникают из традиции и заканчиваются возвращением к ней. Левизна в поэзии недолговечна, авангард – детская болезнь. Во Франции этой болезнью переболели многие поэты от Аполлинера до Элюара, и все они, по крайней мере, значительные из них, вернулись к традиции, к классике. Такая же картина у нас.

Исключение – Пушкин. Для него характерны не то, чтобы оглядка на традиции, но врождённое чувство меры во всём: в жизни, в творчестве, в мировоззрении. Тот гениальный импульс, который он ощутил сам и дал русской литературе, обошёлся без потрясений, без деклараций и разрыва с традицией, несмотря на все радикальные юношеские искания поэта. Всю жизнь он был верен античной классике, классике европейской, и сам стал образцом отечественной классики.

Фэнтези о русской культуре

(начало на стр.1)

Здесь же Рубинштейн высказался про "агрессивный провинциализм", про наши комплексы перед Европой и Америкой (http://www.novayagazeta.ru/arts/65207.html). Вообще не ново. Эти пыльные мантры регулярно и настырно прокручиваются: "Русс, русс, сдавайся!". Ощущение, как при общении с сектантами: с виду – милые люди, но как затронешь религиозное, так моментально какой-то тумблер щёлкает и головах, и эти головы начинают автоматически и экзальтированно долдонить свой символ веры, не обращая ни на что внимания.

Окно-то прорубили, а вот что за ним?

Но позвольте, совершенно никто не говорит, что Россия – что-то категорически противоположное Европе. Россия – это и Европа тоже, но и не только. Про это "не только" здесь всё время и пытаются сказать. Но даже за подобную малость – тут же типун на язык мистагоги европейского культа накладывают.

Очень ущербная и ограниченная позиция европейской линейкой всё мерить. Даже с точки зрения географии страну придётся очертить по границам Московской Руси. Надо понимать, что примат и абсолютизация этой линейки ведёт к тому же фашизму, который есть неотъемлемая часть европейской культуры. Именно естественное её проявление, а не просто болезненная выдумка психически нездорового человека, в чём пытаются убедить. Но ведь об этом никто не хочет поговорить, здесь жёсткое табуирование. В основе европейской линейки лежит идея расового, национального превосходства и жёсткое подавление всего иного. Это иное можно выжигать огнём и мечом, а можно, если на выжигание сил явно не хватает, элементарно дезавуировать, оболгать, извратить. С этой линейкой не только прилагается кафтан и понятие чести, как вещает Латынина, но и жёсткое насаждение одной единственной правды, предельная эксплуатация всего того, из чего можно выжать соки, агрессивное колонизаторство.

По Рубинштейну, так же как и по Латыниной, ценность русской культуры проявляется тогда, когда она становится иной, смотрит "на себя глазами европейца". То есть той, какой я её себе представляю, определённой утопией, личным конструктором. Европеизация – это всегда принудительная попытка сделать Россию иной, чем она есть на самом деле, лишить национальной идентичности, превратить в расчищенный плацдарм, который можно окультуривать. Наиболее откровенно это было проявлено в 1941 году.

Помню, на заре демократизации говорили, что Россия должна стать частью Европы. Значит, стала? Мы – Европа ещё с Петра, а теперь нас тянут назад, причём не в советскую империю, над которой в последнее время вдоволь покуражились, а в фэнтезийный образ Московской Руси?

Надо чётко понимать: всё, что говорит о русской культуре Латынина и Рубинштейн, – это не из области реальности, а внушение. Это определённые вирусные мысли, призванные расшатать сознание, сделать его подверженным разного рода комплексам. Именно поэтому главный их инструмент – невежество. С его помощью планируется найти ключ к массам, падким на внушение. Перед нами своеобразная битва экстрасенсов. Новоявленные шаманы пляшут со словесными бубнами с целью ввести окружающих в транс, увезти от реальности, чтобы они также скакали в их такт и отключили здравый смысл.

Но мы-то не должны быть невежественными. Латынина и Рубинштейн, без сомнения, умные люди, транслируемое невежество лишь инструмент. Невежество – это лишение смыслов, это такая же пустота, которая разъедала страну в последние десятилетия. Мы становились Европой, но вот только мощного взлёта культуры в это время как-то не произошло. Мы всё больше становились той "Московской Русью", о которой пишет Латынина. Всё потому, что здесь не нужны никакие взлёты, здесь нужна пустота, расчищенный фундамент, полное выхолащивание сути.

Мы не должны скатываться в невежество, зная, что преподобному Сергию Радонежскому семьсот лет. При том, что подобных равновеликих людей в русских святцах – десятки. Зная, что с момента Крещения Руси уже больше тысячи лет. Это событие сделало Древнюю Русь в одночасье наследницей величайших мировых культур, расширив её культурно-историческое время на тысячелетие. Мы не фантасты, мы в реальности живём. Надо попытаться по-настоящему полюбить Россию, узнать её, а не верить лёгким вирусам-нелепицам. В России отрицательная логика всегда была ущербна. Её культура европейская тоже, но в том числе другая. Россия – это не просто политическая нация. Россия – это цивилизация. И это следует чётко понимать.

Андрей РУДАЛЁВ